

КАМБИЗЪ, ЦАРЬ ПЕРСИДСКІЙ.

Камбизъ былъ сынъ Кира и Кассанданы. О молодыхъ годахъ этого царя почти ничего неизвѣстно. Главная дѣятельность Камбиза была сосредоточена въ Египтѣ, почему и обстоятельства жизни этого царя тѣсно связаны съ упомянутой страной.

Первый походъ Камбиза въ Египетъ былъ предпринятъ по слѣдующему поводу. Камбизъ отправилъ посла къ египетскому царю Амасиду просить руки его дочери. Амасидъ не зналъ какъ ему поступить: съ одной стороны онъ не хотѣлъ унижить своей дочери, зная, что она будетъ не первой женою Камбиза,—съ другой стороны онъ боялся могущества персовъ. Изъ такого затруднитель-

наго положенія Амасидъ вышелъ слѣдующимъ образомъ: отъ предшественника его Априи осталась дочь, красавица Нететисъ. Эту-то дѣвушку Амасидъ и отослалъ Камбизу, выдавши ее за собственную дочь.

Когда Камбизъ ласкалъ Нететисъ и называлъ ее по имени ея отца, Нететисъ заявила: ты царь и не подозрѣваешь обмана. Амасидъ нарядилъ меня и прислалъ тебѣ въ даръ какъ родную дочь, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ я дочь Априи, бывшаго владыки Амасида; противъ отца моего онъ возсталъ вмѣстѣ съ египтянами и умертвилъ его *).

Этотъ разсказъ Нететисъ сильно оскорбилъ Камбиза и побудилъ его къ походу войною на Египетъ.

Не смотря на особенную быстроту и энергію, съ которыми Камбизъ стремился на войну съ египтянами, сраженіе не застало уже въ живыхъ Амасида и происходило при сынѣ его, Псамменитѣ. Егип-

*) Геродотъ, *Θαλία*, ст. 216.

тяне были разбиты на голову и царство попало въ руки Камбиза.

Геродотъ передаетъ слѣдующій случай съ Камбизомъ: «Побѣдитель Камбизъ подвергъ побѣжденнаго Псамменита жестокой нравственной пыткѣ: онъ велѣлъ одѣть дочь царя въ рабское платье и вмѣстѣ съ другими избранными дѣвушками знатнѣйшихъ египетскихъ семействъ послалъ съ кувшинами по воду. Другія дѣвушки были одѣты, какъ и царская дочь. Когда дѣвушки съ воплями и жалобами проходили мимо отцовъ своихъ, эти послѣдніе, при видѣ позора дѣтей, громко рыдали вмѣстѣ съ ними. Одинъ Псамменитъ, видя все это, молча поникъ головой. Когда водоноски прошли, Камбизъ послалъ царскаго сына вмѣстѣ съ другими египтянами, его сверстниками, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Всѣ они имѣли веревки на шеѣ и были взнузданы. Такъ ихъ вели на казню. Псамменитъ видѣлъ, какъ осужденные проходили мимо, и понялъ, что, идущій впереди египтянъ, его сынъ будетъ

казненъ; но онъ держалъ себя также, какъ и при видѣ дочери, тогда какъ всѣ прочіе египтяне, сидѣвшіе противъ него, плакали и громко выражали свое несчастье. Когда и эти прошли, случилось слѣдующее: одинъ изъ застольныхъ друзей Псамменита, челоуѣкъ довольно старій, потерявшій все свое состояніе и впавшій въ нищету, просилъ милостыню у солдатъ. Увидѣвши его, Псамменить громко зарыдалъ, назвалъ друга по имени и билъ себя по головѣ.

Камбиза удивилъ поступокъ Псамменита и онъ спросилъ послѣдняго.

«Почему ты не вопилъ и не плакалъ, при видѣ опозоренной дочери и при видѣ сына, ведомага на казнъ, но этими знаками скорби почтилъ нищаго, который даже вовсе не родственникъ тебѣ?»

— Собственное свое горе, сынъ Кира, слишкомъ велико для того, чтобы его оплакивать; но достойно слезъ бѣдствіе друга, который на порогѣ старости отъ довольства и счастья перешелъ къ нищетѣ.

Это замѣчаніе Камбизъ нашель вѣрнымъ. Онъ былъ тронуть словами отца и приказалъ сохранить жизнь царскаго сына отъ казни. Къ сожалѣнію, посланные не за- стали уже юноши живымъ, такъ какъ онъ казненъ былъ первымъ.

Явственно, что всесильный дес- потъ въ эту пору имѣлъ еще силь- ный умъ и отзывчивое къ несча- стью ближняго сердце, хотя ря- домъ съ этимъ у Камбиза уже и теперь проявлялись приступы ди- кой и безсмысленной жестокости и дерзкаго неуваженія къ обы- чаямъ и нравамъ людей. Доказа- тельствомъ тому служить слѣду- ющее происшествіе:

Пришедши въ Саисъ, Камбизъ приказалъ выбросить изъ гроб- ницы трупъ царя Амасида, сте- гать его кнутомъ, оборвать его волосы, колоть и вообще нано- сить всевозможныя оскорбленія. Когда исполнители воли царя бы- ли утомлены, а балъзимиrowанный трупъ не распадался, то Кам- бизъ издалъ нечестивое приказа- ніе сжечь трупъ. «Нечестивое при- казаніе»—потому, что сожиганіе

труповъ было не въ обычаѣ ни персовъ, ни египтянъ. Персы считали непозволительнымъ давать божеству трупъ человѣка; египтяне же считали огонь живымъ существомъ, которое пожираетъ все, чтобы ни приняло и, потомъ, насытившись ѣдою, умираетъ вмѣстѣ съ пищей... Такимъ образомъ Камбизъ отдалъ приказаніе, противное обычаямъ и побѣдителей и побѣжденныхъ.

Послѣ этого Камбизъ началъ готовиться къ тремъ походамъ: противъ карфагенянъ, аммоніевъ и долговѣчныхъ эѳіоповъ.

Прежде чѣмъ идти войной на эѳіоповъ, Камбизъ послалъ эѳіопскому царю пословъ съ подарками и предложеніемъ дружбы, поручивъ однако этимъ посламъ рассмотреть внутренній бытъ эѳіоповъ и добыть всѣ нужныя для побѣдителя данныя. Однако эѳіопскій царь понялъ, что къ нему явились соглядатаи и обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

«Персидскій царь послалъ васъ ко мнѣ съ дарами не потому, что дорожить союзомъ со мною. Вы

сами говорите неправду, потому что пришли въ качествѣ соглядатаевъ въ мои владѣнія, а тотъ человѣкъ, который послалъ васъ, безчестенъ,—ибоесли бы онъ былъ честенъ, то не добивался бы обладанія другою страной, по мимо своей, и не искалъ бы порабощенія народа, не причинившаго ему никакой обиды... Пока онъ долженъ благодарить боговъ, что они не внушаютъ сынамъ эѳіоповъ охоты присоединить къ своей землѣ чужой»...

Разсказъ пословъ привелъ Камбиза въ ярость и онъ немедленно сталъ готовиться къ походу, не сдѣлавши даже распоряженія относительно продовольствія, вовсе не принимая во вниманіе, что онъ идетъ войною на край земли; словомъ онъ выступилъ въ походъ, какъ *безразсудный и сумасшедшій человѣкъ* *).

Походъ въ эѳіопію оказался неудачнымъ. Войска не имѣли пищевого продовольствія и стра-

*) Геродотъ, III, 35, 229, переводъ Мищенко.

дали отъ голода настолько, что вынуждены были ѣсть другъ друга. Изъ этого похода Камбизъ возвратился въ Мемфисъ.

При этомъ случилось весьма прискорбное обстоятельство для египтянъ.

Египтяне обрѣли аписа. По этой причинѣ они надѣли на себя лучшее платье и ликовали. Между тѣмъ озлобленный, раздраженный и крайне подозрительный Камбизъ подумалъ, что египтяне устроили себѣ празднество по случаю постигшей его неудачи въ походѣ. Онъ позвалъ къ себѣ старшинъ города Мемфиса и спросилъ ихъ:

«Почему египтяне, никогда раньше ничего подобнаго не совершавшіе, устроили празднество теперь, когда я возвратился изъ похода съ потерей значительной части своего войска».

Старшины отвѣчали на это, что египтяне обрѣли божество, которое появляется лишь чрезъ большіе промежутки времени и появленіе его всегда сопровождается

радостными общими празднествами всѣхъ египтянъ.

Это заявленіе старшинъ несколько не убѣдило подозрительнаго и легкомысленнаго Камбиза. Онъ ихъ назвалъ лжецами и приказалъ казнить смертью.

Позваны были къ Камбизу жрецы; но и тѣ дали тотъ же отвѣтъ.

Тогда Камбизъ сказалъ, что онъ желаетъ знать—кроткое ли это божество—и приказалъ привести аписа къ нему.

Жрецы привели къ нему аписа. Это былъ теленокъ, на лбу котораго стояло бѣлое треугольное пятно, на спинѣ изображеніе орла, на хвостѣ двойные волосы, подъ языкомъ жукъ.

Когда жрецы привели аписа, то Камбизъ *уже въ припадкѣ безумія*, выхватилъ мечъ и направилъ ударъ въ животъ апису, но попалъ въ бедро.

«Жалкія твари, сказалъ со смѣхомъ Камбизъ, обращаясь къ жрецамъ. Развѣ такіе боги бываютъ: съ кровью, съ мясомъ, чувствительные къ желѣзу? Впрочемъ, каковы египтяне, таково и божество».

ство ихъ; но насмѣшка не пройдетъ вамъ даромъ».

Съ этими словами онъ отдалъ приказаніе палачамъ наказывать жрецовъ кнутомъ, и убивать всѣхъ египтянъ, сколько бы ихъ ни захватили на празднествѣ.

Въ наказаніе за это злодѣяніе, *Камбизъ* тотчасъ лишился разсудка; *хотя и прежде онъ былъ не въ здоровомъ умѣ* (Геродотъ).

Какъ доказательство болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей Камбиза, Геродотъ прежде всего приводитъ убійство Камбизомъ единокровнаго и единоутробнаго брата и сестры.

Братъ Камбиза, Смердисъ, отличался большою силою и ловкостью. Изъ зависти къ этимъ качествамъ брата, Камбизъ сослалъ его въ Персію. Вскорѣ, однако, Камбизъ видѣлъ сонъ, который очень встревожилъ его. Во снѣ Камбизу явился вѣстникъ изъ Персіи и заявилъ, что Смердисъ сидитъ на царскомъ престолѣ и головой касается неба. Опасаясь подъ вліяніемъ этого сна, какъ бы Смердисъ не лишилъ его жизни

и не завладѣлъ его царствомъ, Камбизъ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ отправиться въ Персію и умертвить тамъ Смердиса,— что и было исполнено.

Вторымъ ужаснымъ преступленіемъ Камбиза было убійство своей единоутробной и единокровной сестры, съ которою онъ жилъ въ супружествѣ. У персовъ не было обычая жениться на родныхъ сестрахъ и Камбизъ первый ввелъ это, влюбившись въ свою сестру и пожелавъ жениться на ней. Передъ женитьбой Камбизъ позвалъ царскихъ судей и спросилъ ихъ: дозволяетъ ли законъ вступать въ бракъ съ родными сестрами? На это хитрые судьи отвѣчали: закона, дозволяющаго жениться на родной сестрѣ, нѣтъ; но за то есть другой законъ, позволяющій царю персовъ дѣлать все, чтобы онъ ни пожелалъ.

Послѣ этого Камбизъ женился на любимой сестрѣ, а чрезъ нѣкоторое время онъ взялъ въ жены и другую сестру. Впослѣдствіи

онъ убилъ младшую изъ нихъ. О причинѣ этого убійства Геродотъ передаетъ слѣдующее: однажды Камбизъ устроилъ бой львенка со щенкомъ и смотрѣлъ на это вмѣстѣ съ женой. Такъ какъ щенокъ началъ уступать противнику, то на помощь къ нему явился, сорвавшись съ цѣпи, другой щенокъ, братъ его, и щенята вмѣстѣ одолѣли львенка. Камбизъ былъ доволенъ зрѣлищемъ; жена его плакала. На вопросъ Камбиза о причинѣ плача, она отвѣчала, что плачетъ при видѣ щенка, прибѣжавшаго къ брату на помощь, и при воспоминаніи о братѣ Смердисѣ, за котораго никто не отомститъ. Тогда Камбизъ умертвилъ свою жену.

Передается и другой рассказъ о причинѣ убійства сестры Камбизомъ. Однажды за столомъ она взяла въ руки салатъ и общипала его; потомъ спросила мужа: какой салатъ красивѣй—общипанный, или съ густыми листьями. Когда тотъ отвѣтилъ—съ густыми листьями лучше, царица ска-

зала: между тѣмъ ты нѣкогда учинилъ подобіе общипаннаго салата, обрубивши семейство Кира. Разъяренный Камбизъ ударилъ жену, въ то время беременную, ногою въ животъ, отчего та несвоевременно родила и умерла.

Такъ, говоритъ Геродотъ, проявлялось бѣшенство Камбиза относительно близкихъ лицъ; а произошло ли оно изъ за аписа, или по какой-нибудь другой причинѣ, какъ обыкновенно постигаютъ людей многія болѣзни, мы не рѣшаемъ. Ибо рассказываютъ, что *Камбизъ отъ рожденія страдалъ серьезною болѣзнию, которую иные называли священною*. Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго не было въ томъ, что, *при серьезной болѣзни тѣла, и умъ Камбиза не былъ здоровъ*.

О проявленіи бѣшенства Камбиза по отношенію къ другимъ окружающимъ лицамъ мы узнаемъ изъ слѣдующихъ рассказовъ. Въ числѣ приближенныхъ и любимыхъ Камбизомъ лицъ былъ нѣкто Прексаспесъ, сынъ коего былъ

виночерпѣемъ царя. Однажды царь спросилъ Прексаспеса:

«Какимъ человѣкомъ считаютъ меня персы и какія рѣчи они вѣдутъ обо мнѣ?»

— Вообще, царь, тебя очень хвалятъ; говорятъ только, что ты *слишкомъ преданъ вину*.

«Итакъ, въ гнѣвѣ высказалъ царь, персы говорятъ, что я предаюсь вину, что, слѣдовательно, безразсуденъ и глупъ... А ты посмотри, говорятъ ли персы правду,—или же подобными рѣчами они обличаютъ только собственное безразсудство: если я выстрѣлю въ твоего сына, стоящаго тутъ, въ портикѣ, и попаду въ самую средину сердца, то, значить персы говорятъ вздоръ, а если промахнусь, то знай, что персы говорятъ правду, и что я не въ здоровомъ умѣ».

Съ этими словами Камбизъ натянулъ лукъ и выстрѣлилъ въ юношу. Когда тотъ упалъ за мертво, царь велѣлъ разрѣзать трупъ и осмотрѣть рану. Стрѣла оказалась въ сердцѣ. Тогда царь, радостно смѣясь, сказалъ отцу юноши:

«Теперь тебѣ ясно, Прексаспесъ, что я не безуменъ, а что безразсудны персы... А вотъ скажи мнѣ: видалъ ли ты вообще кого-нибудь, кто бы такъ мѣтко стрѣлялъ, какъ я?»

Видя, что царь не въ своемъ умѣ и опасаясь за собственную жизнь, Прексаспесъ отвѣчалъ:

— Я полагаю, царь, что само божество не можетъ стрѣлять столь мѣтко.

Вотъ какое злодѣяніе совершилъ тогда Камбизъ, добавляетъ Геродотъ. Другой разъ царь безъ достаточныхъ основаній велѣлъ схватить двѣнадцать знатнѣйшихъ персовъ и закопать ихъ въ землю головами внизъ.

Наблюдая всѣ эти поступки и памятуя завѣщаніе отца его, Кира, Крезъ обратился къ Камбизу съ такою рѣчью.

«Не слѣдуй во всемъ увлеченію молодости и сердца, но умѣрай и сдерживай себя. Предусмотрительность благодѣтельна и осторожность свойство мудреца. Ты казнишь своихъ подданныхъ безъ достаточныхъ основаній, ты уби-

ваешь даже дѣтей. Если долго будешь поступать такъ, берегись какъ бы персы не возстали на тебя. Отецъ твой настойчиво наказывалъ наставлять тебя и давать тебѣ благіе совѣты».

Раздраженный этимъ наставленіемъ Креза, Камбизъ отвѣчалъ ему:

— Ты дерзаешь еще давать мнѣ совѣты... Это не пройдетъ тебѣ даромъ... Я давно уже искалъ случая показать тебѣ...

Съ этими словами онъ схватилъ лукъ и хотѣлъ застрѣлить Креза, но тотъ отскочилъ и убѣжалъ. Тогда Камбизъ приказалъ слугамъ поймать Креза и убить его. Слуги Камбиза, зная крайне вспыльчивый характеръ его и нерѣдко слѣдующее за симъ раскаяніе, не исполнили приказанія царя и впослѣдствіи Камбизъ остался этимъ доволенъ, но при этомъ прибавилъ, что слуги не исполнившіе его приказанія, должны быть казнены, что и было исполнено.

Въ необузданности нравовъ Камбизъ ставилъ ни во что ре-

лигіозныя убѣжденія, народныя преданія и вѣковыя обычаи союзниковъ и побѣжденныхъ и постоянно открыто ихъ нарушалъ.

Такъ, въ Мемфисѣ онъ вскрывалъ гробницы и разсматривалъ покойниковъ. Однажды онъ пришелъ въ храмъ Гефеста и издѣвался надъ кумиромъ божества. Входилъ онъ также въ святилище Кабировъ, въ которое грѣшно входить кому бы то ни было, кромѣ жреца; здѣсь онъ надругался надъ изображеніями Кабировъ и потомъ сжегъ ихъ.

«Для меня такимъ образомъ совершенно ясно, говоритъ Геродотъ, что Камбизъ страдалъ тяжкимъ умопомѣшательствомъ; въ противномъ случаѣ онъ не рѣшился бы издѣваться надъ святыней и обычаями... Неестественно, чтобы кто-нибудь, развѣ только помѣшанный, ругался надъ подобными предметами»...

Когда это душевное разстройство Камбиза проявилось вполне, противъ него возстали два брата маги, причемъ одинъ изъ нихъ, по имени Смердисъ, объявилъ

себя братомъ Камбиза, котораго, по ихъ заявленію, Камбизъ хотѣлъ убить, но не убилъ. Теперь-то этотъ самозванецъ и возсталъ противъ Камбиза. По всѣмъ частямъ государства посланы были глашатаи, чтобы народъ отложился отъ Камбиза и призналъ бы царемъ Смердиса, сына Кирова.

Камбизъ рѣшилъ идти немедленно войной на Смердиса. Но когда онъ садился на коня, то ранилъ себя въ бедро мечомъ и и рана оказалась смертельною.

Передъ смертью Камбизъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ персовъ и сказалъ имъ:

«Я вынужденъ открыть вамъ, персы то, что старательнѣе доселѣ скрывалъ. Въ Египтѣ я видѣлъ во снѣ призракъ. Мнѣ представилось, будто изъ дому явился ко мнѣ вѣстникъ съ донесеніемъ, что Смердисъ возсѣдаетъ на царскомъ престолѣ и головою касается неба. Изъ боязни, какъ-бы братъ не лишилъ меня власти, я поступилъ поспѣшно, но не благоразумно... Я послалъ Пре-

краспеса въ Сусы съ повелѣніемъ убить Смердиса. Совершивши такое злодѣяніе, я жилъ спокойно, въ полной увѣренности, что, по умерщвленіи Смердиса, никто другой не возстанетъ на меня. Однако я совершенно обманулся относительно будущаго, безъ нужды сдѣлался братоубійцею и все-таки лишенъ царства. Тѣмъ Смердисомъ, о возстаніи котораго предупреждало меня божество, былъ магъ. Дѣло совершилось и знайте, что Смердиса, сына Кира, нѣтъ болѣе у васъ, властвуютъ-же надъ вами маги. Тотъ человѣкъ, которому болѣе всего подобало-бы отмстить за учиненный мнѣ магами позоръ, принялъ злополучную смерть отъ ближайшихъ родственниковъ. Его нѣтъ болѣе... Поэтому второе настоятельнѣйшее мое желаніе—возложить на васъ исполненіе моей предсмертной воли. Именемъ царскихъ боговъ я требую отъ всѣхъ васъ не допустить, чтобы власть перешла снова къ мидянамъ. Если они завладѣли ею хитростью, то хитростью же и вамъ слѣдуетъ отнять ее.

Если они приобрѣли ее силою, то силою и оружіемъ вы должны добыть ее обратно. Если вы такъ сдѣлаете, то земля будетъ приносить вамъ плоды, благословенны будутъ жены и стада ваши и вы навсегда будете свободны. Если же не добудете власти обратно и не попытаетесь добыть ее, то заклинаю, чтобы васъ постигла несчастная доля и чтобы сверхъ того каждый персъ кончилъ жизнь свою, какъ кончилъ я».

Говоря это, Камбизъ оплакивалъ свою долю.

При видѣ плачущаго царя, всѣ персы разодрали отъ верху до низу имѣвшіяся на нихъ одежды и громко завопили.

Скоро жизнь покинула Камбиза.

Такъ повѣствуетъ Геродотъ.

И такъ, изъ повѣствованія Геродота усматривается, что Камбизъ былъ помѣшанный, страдалъ священною болѣзнью и злоупотреблялъ спиртными напитками.

Поступки и дѣйствія Камбиза

очевидно были слишкомъ отличны отъ таковыхъ-же здоровыхъ людей, такъ какъ они послужили основаніемъ для заключенія о нездоровости умственныхъ способностей Камбиза въ весьма отдаленное время и въ лицѣ столь несвѣдущаго въ медицинѣ пителя, какъ Геродотъ.

Съ своей стороны мы рассмотримъ тѣ обстоятельства жизни Камбиза, которыя рѣзко бросаются намъ въ глаза и съ нашей точки зрѣнія могутъ послужить основою для зозникновенія душевной болѣзни, или-же хотя-бы душевной неустойчивости.

Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ *священная болѣзнь* Камбиза. Именемъ священной болѣзни греки называли страданіе, извѣстное у насъ подъ именемъ *эпилепсiи*. Эта болѣзнь имѣетъ весьма давнее происхождение. Греческіе писатели изображали приступы эпилепсiи столь ярко и вѣрно, что въ настоящее время къ ихъ описанію пришлось добавить мало существеннаго.

Въ настоящемъ обществѣ эта

болѣзнь гораздо болѣе распространена, чѣмъ обыкновенно считаютъ, и поражаетъ преимущественно дѣтскій и юношескій возрастъ. Является она приступами, частота которыхъ весьма разнообразна: отъ 2—5 разъ въ теченіи всей жизни и до 2—5 разъ ежедневно.

Проявленія эпилепсіи весьма разнообразны, но чаще другихъ обнаруживаются приступы потери сознанія съ судорогами и приступы потери сознанія безъ судорогъ, въ видѣ обмороковъ. Эти приступы очень кратковременны, именно отъ 1 до 5 минутъ.

Къ несчастью эта нервная болѣзнь имѣетъ тѣ неблагопріятныя послѣдствія, что весьма часто сочетается съ душевными расстройствами, почему эпилепсія лежитъ на границѣ между нервными и душевными болѣзнями и относится къ отдѣлу *психо-нейрозовъ*.

Душевные неправильности, являющіяся сочетаніемъ съ судорожной эпилепсіей, въ однихъ случаяхъ представляются совре-

менными самой судорожной эпилепсией, т. е. они являются съ нею одновременно,—въ другихъ же случаяхъ—спустя очень долгое время отъ начала припадковъ, развиваясь послѣдствіемъ повторности послѣднихъ. Особенно часто въ послѣднихъ случаяхъ развивается слабоуміе, — настолько часто, что появленіе слабоумія при долговременно длящейся эпилепсіи считается явленіемъ обычнымъ и постояннымъ. Это однако невѣрно, о чемъ мы скажемъ ниже.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи приступовъ эпилепсіи на умственную дѣятельность эпилептиковъ, мы должны установить слѣдующія соотношенія между приступами эпилепсіи и пораженіемъ умственныхъ способностей.

1. У эпилептиковъ *не бываетъ никакихъ разстройствъ со стороны умственныхъ способностей.* Судорожные, или обморочные, приступы эпилепсіи обыкновенно слѣдуютъ такому теченію въ своей частотѣ. Первый приступъ является обыкновенно въ дѣтствѣ

отъ 2 до 8 лѣтъ; затѣмъ проходитъ 12—18 мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ приступы не повторяются,—послѣ чего наступаетъ новый приступъ. Третій приступъ является черезъ годъ и въ теченіи многихъ лѣтъ болѣзнь можетъ обнаружиться не болѣе раза въ годъ. При такихъ условіяхъ эпилепсія можетъ оставаться безъ вліянія на умственные способности эпилептика. Такимъ образомъ мы можемъ имѣть эпилептиковъ, у которыхъ умственная мощь остается въ теченіи всей жизни въ обычной своей силѣ и напряженности, при чемъ припадки эпилепсіи остаются безъ вліянія на умственную дѣятельность.

2. У небольшой части людей *эпилептическій нейрозъ сочетается съ геніемъ*. Эти люди обладаютъ необыкновенными умственными дарованіями и являются геніями въ политикѣ, религіи, литературѣ, наукѣ и проч. Таковыми являются: Магометъ, Цезарь, Наполеонъ I, Достоевскій, Петрарка и проч. Въ этихъ

случаяхъ рядомъ съ чрезмѣрнымъ накопленіемъ двигательной энергіи, отъ времени до времени разряжающейся необычными судорожными приступами, въ полномъ согласіи стоитъ и чрезмѣрная умственная мощь, превышающая обычный умственный уровень людей и ставящая ихъ свѣточемъ даннаго времени. Но такія уклоненія—явленіе весьма рѣдкое и исключительное, какъ и геніальность вообще.

3. *Эпилепсія часто связана бываетъ съ идиотизмомъ*, т. е. слабоуміемъ отъ роженія. Очень часто при эпилепсіи пораженіе центральной нервной системы происходитъ еще къ утробной жизни, или въ первые годы послѣ роженія. При этомъ болѣзненные процессы въ мозгу могутъ захватывать какъ судорожные центры, дающіе припадки эпилепсіи, такъ и центры мыслительной дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзненно поражаются одни только судорожные центры, у больныхъ бываетъ одна эпилепсія; когда же поражаются и мысли-

тельные центры, т. е. мозговая корка, то является невозможность къ умственному развитію и такія дѣти на всю жизнь остаются необразованными, безъ всякихъ знаній, безъ всякой способности къ обученію и слабоумными. Этотъ видъ слабоумія отъ рожденія или съ дѣтскаго возраста въ наукѣ носитъ названіе идіотизма. Такимъ образомъ идіотизмъ нерѣдко сочетается съ эпилепсіей, при чемъ однако ни идіотизмъ не зависитъ отъ эпилепсіи, ни эпилепсія не зависитъ отъ идіотизма,— а обѣ эти болѣзни обусловливаются одною общою причиною—заболѣваніемъ головного мозга.

Но бываетъ и другой способъ происхожденія идіотизма при эпилепсіи, гдѣ идіотизмъ, повидимому, почти всецѣло обязанъ своимъ происхожденіемъ эпилепсіи. Бываютъ случаи, когда эпилепсія, явившись въ дѣтствѣ (4—7 лѣтъ), проявляется очень частыми судорожными припадками. Обыкновенно въ эти годы дѣтьми пріобрѣтаются уже тѣ или другія знанія. Но подъ вліяніемъ уча-

ценныхъ приступовъ эпилепсіи знанія дѣтей не только не увеличиваются, а постепенно даже теряются и тѣ, которыя доселѣ имѣлись. Память настоящаго притупляется, память прошлаго сглаживается. Ребенокъ не только ничему не научивается, но даже теряетъ и тѣ знанія, которыя имѣлъ до сихъ поръ, и въ такомъ состояніи тупоумія остается на всю жизнь. Такой человѣкъ не знаетъ молитвъ, не умѣетъ считать, не знаетъ жизни, не имѣетъ обычныхъ потребностей, плохо понимаетъ любовь и не проявляетъ особенныхъ влеченій. Это пожизненный идиотъ вслѣдствіе эпилепсіи. Возможно, что и въ этихъ случаяхъ въ мыслительныхъ центрахъ такихъ дѣтей имѣется извѣстная болѣзненная подготовка, болѣзненное предрасположеніе, которое дало возможность эпилептическимъ приступамъ дать надлежащій плодъ въ формѣ идиотизма. Но если бы даже такого болѣзненнаго предрасположенія въ области мыслительныхъ центровъ и не суще-

ствовало, то и тогда частые приступы судоржной, или обморочной эпилепсіи, падающіе на слабые молодые мозги, могутъ не только задержать дальнѣйшее развитіе мыслительныхъ центровъ и ихъ отправленій, но и подавить уже имѣющееся содержимое.

4. *Эпилепсія и слабоуміе.* Бываютъ случаи, когда эпилепсія, появляясь изрѣдка до 28—30 лѣтняго возраста, за симъ начинается появляться чаще и чаще: разъ въ мѣсяць, недѣлю, два раза въ недѣлю и даже ежедневно. У такихъ больныхъ постепенно теряется память, какъ способность запоминанія такъ и способность припоминанія,—такіе люди теряютъ обычную остроту ума, становятся безразличными къ окружающей обстановкѣ и дѣламъ, ни чѣмъ не интересуются, плохо соображаютъ, становятся несправедливыми, раздражительными, подозрительными, придирчивыми, сварливыми, жестокими, себялюбивыми, безсердечными,—теряютъ склонность къ наслажденіямъ изящнымъ и пріобрѣтаютъ склон-

ность къ грязному, пошлomu и безнравственному. Такъ мало по малу у нихъ развивается ослабленіе умственныхъ способностей, доходящее иногда до состоянія полного слабоумія.

5. *Эпилепсія и эпилептическое буйство.* Бываютъ случаи, правда не частые, когда приступы эпилепсіи сопровождаются ужаснымъ и поражающимъ буйствомъ. Буйство это столь характерно при эпилепсіи, что оно носитъ даже особенное названіе эпилептического буйства. Эпилептическое буйство является или послѣ судорожнаго приступа, или передъ судорожнымъ приступомъ, или судорожный приступъ является во время эпилептического буйства. Буйство это длится обыкновенно недолго — (нѣсколько минутъ — нѣсколько часовъ) и отличается необыкновенною жестокостью и разрушительностью. Самыя ужасныя преступленія, съ безсмысленнымъ и безцѣльнымъ изувѣченіемъ жертвъ, совершаются именно эпилептиками. Нерѣдко случается, что эти преступленія со-

вершаются надъ людьми самыми близкими и любимыми: дѣтьми, женою, отцомъ, матерью, братьями, сестрами и проч.,—или же надъ людьми незнакомыми, совершенно невинными и случайно попавшимися имъ на пути. Часто случается, что, совершивши самое ужаснѣйшее и жесточайшее преступленіе, такіе больные засыпаютъ рядомъ съ жертвою своего изувѣрства и затѣмъ просыпаются, рѣшительно ничего не помня о всемъ содѣянномъ въ буйствѣ. Вообще эпилептическое буйство характеризуется тѣмъ, что больные, пришедши въ себя послѣ приступа буйства, ничего не помнить о содержаніи буйства и не подозрѣваютъ даже совершенныхъ преступленій. Такимъ образомъ, эпилептическое буйство есть настоящій и истинный приступъ эпилепсіи, при чемъ обычный судорожный приступъ эпилепсіи сопровождается характернымъ для эпилепсіи буйствомъ. Къ счастью это буйство случается у эпилептиковъ весьма рѣдко. Разительнѣйшимъ образцомъ такого эпи-

лептического буйства въ исторіи служить приступъ Геркулеса. Вотъ что мы находимъ по этому поводу и Эврипида и Сенеки. Однажды Геркулесъ производилъ жертвоприношеніе Юпитеру. Въ это время глаза его перекошились и налились кровью; по бородѣ потекла пѣна, на лицѣ появилось судорожное перекашиваніе. Онъ началъ раздѣваться, производя движенія, какъ-бы онъ съ кѣмъ нибудь дрался. Послѣ этого Геркулесъ стихъ и думали, что онъ успокоится, однако онъ схватилъ оружіе и бросился на отца, жену и дѣтей. Жену и дѣтей онъ убилъ,—отца же если не убилъ, то только потому, что ему въ этомъ помѣшали силою. Послѣ этого онъ упалъ и заснулъ. Проснувшись, Геркулесъ страшно былъ пораженъ сценой и пришелъ въ отчаяніе, что сталъ убійцей жены и дѣтей.

6. *Эпилепсія и душевныя болѣзни.* Очень часто эпилепсія является наслѣдственно, т. е. эпилептики бываютъ дѣтьми пьяницъ, душевно и нервно больныхъ лю-

дей, физически истощенныхъ и проч. Такимъ образомъ эпилептики отъ рожденія часто унаслѣдуютъ нервную систему неустойчивую, невыносливую, склонную, при малѣйшихъ поводахъ, къ заболѣванію. Поэтому неудивительно, если у эпилептиковъ, рядомъ съ эпилепсіей, являются приступы предсердечной тоски, приступы болѣзненнаго страха, насильственные мысли, однопредметное помѣшательство и другіе виды душевныхъ заболѣваній, свойственные состоянію нервного вырожденія. Но всѣ эти душевные болѣзненные состоянія имѣютъ съ эпилепсіей одно общее: общую неустойчивую нервную систему,—ни больше; эпилепсія же при этомъ является только ничтожнымъ пособіемъ для развитія и укрѣпленія уже заранѣе существующихъ и преднамѣченныхъ душевныхъ заболѣваній даннаго лица.

Разсматривая жизнь Камбиза и подводя ее подъ всѣ вышеописанныя формы эпилепсіи, мы не можемъ вогнать ее въ рамки, ука-

занныя наукой для вышеозначенныхъ проявленій. Если куда можетъ быть помѣщенъ Камбизъ, то только въ 4-й отдѣлъ, т. е. въ состояніе перехода душевной дѣятельности въ слабоуміе. При этомъ еще не существуетъ явное слабоуміе, но за то совершается постепенный переходъ въ него съ ослабленіемъ уже мыслительной дѣятельности, особенно же нравственности, однако, безъ полного его разстройства.

7. Но у насъ осталась еще одна форма проявленія эпилепсіи—это, именно, *эпилептический характеръ*. Прежде всего я долженъ сдѣлать ту оговорку, что эпилептический характеръ бываетъ далеко не у всѣхъ эпилептиковъ. Мало того, добавлю, что онъ бываетъ у немногихъ эпилептиковъ. Но за то если онъ у кого вполнѣ проявляется, то такой человѣкъ представляется злодѣемъ первой степени.

Эпилептический характеръ можетъ быть прирожденнымъ и благопріобрѣтеннымъ, т. е. развиться уже въ зрѣломъ возрастѣ, если

эпилепсія въ это время усиливается.

При существованіи этого характера отъ рожденія, уже въ дѣтскомъ возрастѣ онъ даетъ себя знать. У такихъ дѣтей проявляется рѣзкая раздражительность, строптивость, сварливость, вспыльчивость, склонность ко всякаго рода волненіямъ и вспышкамъ гнѣва при самыхъ ничтожныхъ поводахъ. Случается, что проявленіе гнѣва доводитъ такого ребенка до полного безсознательнаго состоянія и безпамятства, оканчивающагося или преступленіемъ, или эпилептическимъ припадкомъ. Рядомъ съ этимъ у такихъ дѣтей наблюдается скрытность, замкнутость, нѣкоторая глуховатость и туповатость съ повышеннымъ самомнѣніемъ и нахальствомъ,— недовѣріе, лѣнь и бездѣліе. Въ рѣдкихъ случаяхъ и у такихъ дѣтей порою проявляется доброта, мягкость и ласка; но за симъ, какъ бы стыдясь содѣяннаго, они стараются сгладить его еще большею грубостью, дерзостью и нахальствомъ. Не желая

трудиться и работать, такіе люди терпятъ неудачи, а чрезъ то еще болѣе ожесточаются. У нихъ проявляется зависть, досада, нетерпѣніе, наклонность къ пьянству и разврату, лживость, холодное презрѣніе къ жизни и людямъ, частыя и неожиданныя вспышки гнѣва, грозящія опасностью для людей самыхъ невинныхъ. Дружба, любовь къ ближнему, любовь къ отцу, матери, женѣ, дѣтямъ, любовь къ Богу—все это для такихъ людей пустыя слова, недостойныя ихъ вниманія. Вотъ выраженія о такихъ людяхъ глубокихъ наблюдателей. Falret говорить, что это есть выраженіе «defficile à vivre». Legrand du Saule: «L'épileptique égoïste et au coeur sec». Samt называетъ ихъ «hystero-epileptische Canailen. Въ умственномъ отношеніи такіе люди являются посредственностью и даже ниже посредственности. У нихъ сплошь и рядомъ — умственная близорукость, легкость и поверхностность отношенія къ дѣлу, подозрительность, мстительность, злопамятство, злость и ненависть

всего порядочнаго. Дѣйствія, поступки и преступленія такихъ лицъ отличаются неожиданностью, внезапностью и импульсивностью. Но особенно опасны такія лица своимъ влеченіемъ къ кровопролитію и убійствамъ. Убіиства эти отличаются неожиданностью, безцѣльностью, отсутствіемъ поводовъ и нелѣпостью и только въ рѣдкихъ случаяхъ убійства эти отличаются строго обдуманномъ планомъ и предумышленностью.— Таковъ эпилептическій характеръ, если онъ является отъ рожденія. Таковымъ же онъ является и въ тѣхъ случаяхъ, если развивается у людей взрослыхъ подъ вліяніемъ учащенныхъ эпилептическихъ приступовъ, при переходѣ даннаго лица къ постепенному слабоумію.

Обращаясь къ жизни Камбиза, мы наблюдаемъ очень много чертъ, свойственныхъ эпилептическому характеру. Подвести итогъ и сопоставленіе — дѣло не трудное и это можетъ сдѣлать каждый изъ читателей.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ: являлся ли эпилептическій

характеръ у Камбиза отъ рожденія, или же онъ развивался подъ вліяніемъ эпилептическихъ приступовъ? Геродотъ повѣствуетъ, что Камбизъ страдалъ священной болѣзнью съ дѣтства. Тѣмъ не менѣе можно думать, что у Камбиза эпилептическій характеръ развился уже въ зрѣломъ возрастѣ, чему много способствовало также злоупотребленіе спиртными напитками.

Изъ отвѣта Прексаспеса Камбизу мы узнаемъ, что персы хвалили Камбиза, но вмѣстѣ съ тѣмъ считали, что онъ *слишкомъ преданъ вину*. Отсюда явствуетъ, что Камбизъ любилъ выпить; а эта страсть вообще не проходитъ безслѣдно, а тѣмъ болѣе для эпилептика.

Всякое опьяненіе въ отдѣльности само по себѣ представляетъ необычное и измѣненное состояніе душевной дѣятельности. Опьяненіе есть отравленіе мозга алкоголемъ. Алкоголь, проникая въ нервную ткань мозга, производитъ такіа измѣненія въ немъ, что чело-

вѣкъ не можетъ по прежнему ни правильно чувствовать, ни правильно мыслить, ни правильно дѣйствовать. Человѣкъ является пьянымъ, т. е. отравленнымъ алкоголемъ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока алкоголь будетъ находиться въ мозгу. Разъ алкоголь выдѣляется—человѣкъ опять становится здоровымъ, при чемъ послѣ опьяненія въ организмѣ остается только нѣкоторая усталость, утомляемость и слабость, какъ слѣдствіе истощенія и отравленія центральной нервной системы.

Если опьяненіе вновь не повторяется, то человѣкъ становится совершенно здоровымъ. Но если опьяненіе становится повторнымъ, то измѣненія въ нервной системѣ не ограничиваются временнымъ уклоненіемъ въ отправленія, а являются болѣе рѣзкими, стойкими и серьезными.

Естественно, что и отправленія нервной системы станутъ уже болѣе постоянными, болѣе устойчивыми, а иногда даже и пожизненными. Эти измѣненія принимаютъ

характеръ болѣзненной картины, известной подъ именемъ *хроническаго алкоголизма*. Явленія хроническаго алкоголизма далеко не одинаковы и степень ихъ зависитъ отъ продолжительности злоупотребленія спиртными напитками, количества ихъ употребленія, качества и проч.

Несомнѣнно одно, что первое вліяніе пьянства отражается на характерѣ и умственной дѣятельности человѣка. Такой человѣкъ становится раздражительнымъ, вспыльчивымъ, грубымъ, рѣзкимъ, дерзкимъ, нетерпящимъ никакого противорѣчія и непереносящимъ никакихъ замѣчаній. Память и сообразительность падаютъ, хотя человѣкъ считаетъ себя умнѣе и выше всѣхъ. Любовь, привязанность, родство, религія и святость—для такихъ людей не существуютъ. Интересы общества и государства—пустыя слова. Личные интересы, влеченія и побужденія—всегда низменнаго и животнаго свойства — вотъ идолъ хроническаго алкоголика, кото-

рому онъ служить всѣмъ своимъ существомъ.

Вотъ первичныя проявленія хроническаго алкоголизма.

Если мы возьмемъ отдѣльные признаки проявленія эпилептического характера и первичныя проявленія хроническаго алкоголизма и соединимъ ихъ вмѣстѣ, то понятнымъ станетъ каждому мыслящему человѣку, что эти два разрушительныхъ начала — эпилептическій неврозъ и алкоголизмъ — могутъ дать разстройство душевной дѣятельности, стоящее любой душевной болѣзни.

Камбизъ проявлялъ, какъ эпилепсію, такъ и алкоголизмъ. Изъ сочетанія этихъ двухъ болѣзнетворныхъ началъ и создалось у Камбиза душевное разстройство, которое Геродотъ по всей справедливости и по праву мыслящаго человѣка, назвалъ сумасшествіемъ.

Это сумасшествіе было эпилептическое и алкогольное, проявившееся особенно въ характерѣ и мыслительныхъ уклоненіяхъ Камбиза.

